КИРИЛЛ ЛЕОНИДОВ

ЗАПРЕТНОЕ ЧТЕНИЕ

Кирилл Леонидов
Запретное чтение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18011227
ISBN 9785447464981

Аннотация

Повесть имеет несколько планов, и они воспринимаются в зависимости от эмоциональной и интеллектуальной готовности читателя. Автор пытается предсказать развитие событий, задается вопросом об истинной роли и ответственности сегодняшних мировых лидеров, достаточно провокационно обсуждает с читателем, казалось бы, известные и устоявшиеся явления, в том числе отношения мужчины и женщины, и делает это рискованно: от имени женщины. Насколько этот риск был оправдан, станет ясно по прочтении книги.

Запретное чтение
Кирилл Леонидов

Тем, кого люблю и кого ненавижу

© Кирилл Леонидов, 2016
© Светлана Шпакова, дизайн обложки, 2016

Корректор Ольга Сокуренко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наконец – то вырвалась на отдых к морю и вывезла ребенка. Эти купания и воздушные ванны в плане здоровья ничто не может заменить, но пришлось потратить время, чтобы донести эту истину до моего мужа. Колю с места не сдвинешь, долдона. Все же победа осталась за мной и за сыном – мы все вместе (включая нашего неповоротливого упрямца) летим к месту назначения.

Супруг, чуть насупившись, как будто все еще сердится, дремлет у иллюминатора. Костя же завороженно заглядывает через его плечо на скалистые горы внизу (им надо бы пересесть, но у иллюминатора холодновато)…

Я как всегда читаю. Это мое любимое занятие, которое дает неповторимое ощущение внутренней свободы, погружения в мир, где все не так, как в настоящей жизни, и происхо-

дит самым неожиданным образом: лихо закручен сюжет, ломаются и меняются круто человеческие судьбы на фоне нищеты и отчаяния, ярких природных красок, пустыни, необитаемых островов, богатых интерьеров, убогих жилищ. Там ненависть и всепоглощающая сумасшедшая любовь… Нет нейтрального, нет срединного, нет «едва-едва», как почти остывший завтрак, тщетно дожидающийся долго встающего сына. Вот что по-настоящему интересно, потому что находится за гранью привычного восприятия мира, простого и ясного.

А что такое наша обычная жизнь? Рациональное, сугубо фотографическое явление, просчитанное до мелочей. Такое восприятие у меня, наверно, от родителей. Их отношения всегда были очень четкими, ровными, ничто и никогда не могло их осложнить, а, тем более, омрачить. Никогда я не была свидетелем обнаружения каких-то скелетов в шкафу, скандалов, ненужных эмоций и всего прочего. Такую вот модель отношений я перенесла и в свою семью, а также в собственное понимание действительности.

Продолжая мысленно рассуждать на эту тему, я на секундочку оторвалась от чтения, ласковым взглядом «погладила» благоверного. Он, как и мой папа, всегда вел семейный корабль стабильным курсом: оставаясь, в основном, упрямым до невозможности (однажды упорно и самоуверенно тащил нас за собой без карты по старому городу на Крите, отказываясь кого-нибудь спросить, и мы заблудились, чуть

не опоздав на последний автобус в сторону нашего отеля), однако, умел приспосабливаться к ситуации, к которой его незаметно и тактично готовила супруга. Если синие штаны ему к лицу, как считает жена, значит, будут синие. Если не плавки, а плавательные шорты, чтобы хоть как-то скрыть живот и отличаться от других русских мужиков, как решила опять же жена, значит шорты. Прежде всего – стабильность и покой. Никаких дискуссий и нервотрепки. Сама мужественность в большом и уверенном теле, железобетонная логика и стратегия, а тонкие настройки – дело женское.

Вот и эта поездка не была мужу особенно нужна и, по его мнению, сыну тоже. Костя, которому десять, спокойно мог бы отдохнуть вместе с ним где-нибудь на реке среди тайги в резиновой лодке. Наверно, самый лучший отдых для дикой мужской психики. Дикость среди дикости – полная гармония первозданности и взаимопонимания… Но точность настройки – это как стыковка космических кораблей на ручном управлении. В результате муж ворчал-ворчал, но, как говорится, к маме – значит к маме, или: к морю – значит к морю.

А разве могут быть мужики другими вообще? И пусть все же есть в них некоторая твердолобость (трусы иной раз не стянешь, чтоб вовремя постирать), но вместе с этим качеством дарована им простота, святая простота и прямота во всех проявлениях мужской личности: как вот эти короткие волосы Колины «ежиком», как прическа сына «бобри-

ком», как все в их мужском незатейливом мире простых запахов, естественных, иногда грубоватых инстинктов и действий, ими продиктованных, быстрых, решительных, понятных до примитивизма, разложенных на формулы, простые коды и сигналы. Мне кажется, что я постигла этот механизм и разумом и сердцем, как часовщик, который уверенно крутит свои шестеренки, как ученый, распознавший китовые трели. Один писк – пора кушать, два – пора спариваться.

В книгах, мною прочитанных, правда, были другие отношения и другие мужчины, но эти книги, эти яркие цветные обложки, фонарики манящие, будто предупреждали: «Мы даны только для эпатажа, для общего сиюминутного интереса. Мы – яркие масляные краски на холсте, а жизнь – это бледная, водянистая акварель, состоящая из обязанностей, ответственности, бесконечной работы и мимолетной сдержанной ласки. Радуйся же, скромная женщина, своему маленькому дорожному секрету, этой скрытой надуманной интриге на бегу – своему запретному чтению. Оно, это чтение, все равно ведь не есть реальность…»

И это нормально, это логично! Ведь книга, фильм, пьеса со сложным сюжетом – это то, что мы хотим иногда знать о запретном, то, что в нас сидит, чего нам где-то не хватает в эмоциональном плане, но в жизни своей собственной мы бы иметь категорически не хотели… Ну, скажите, зачем эти риски, взлеты и падения? Зачем страхи, сомнения, сумасшедшие соблазны с муками совести? Выкрашивать кар-

тину чудными цветами, но на самом деле лишь вымазаться по локти жирной краской, да так, что уже и не рад и картине, и себе самому… Ни за какие чувства, ни за какие эмоции! Ни за что и никогда!

Так я подумала и снова погрузилась в книгу.

* * *

«Пришла ночь. Боги в своем лагере на небесах разожгли костры. Там, наверно, шел неспешный разговор о вечности. А наше земное племя уже видело сны. Снаружи пещеры иногда слышался шорох и негромкие перекликания дозорных. Было немного прохладно, несмотря на огромный горящий очаг в центре. Мия плотнее завернулась в шкуры и попыталась отвлечься, вспоминая треволнения дня: как искали воду (ее становилось все меньше) и как готовились к празднику Цветения Красного цветка, с которым ее связывала печальная память и личная тайна.

Она не хотела думать о своей половине – своем муже Йоте, который, и она это ощущала, конечно, наблюдал за ней сейчас. Белки глаз его иногда призывно сверкали в темноте, там, в углу, откуда он бросал на нее полные страсти взгляды. В их племени муж и жена имели отдельные постели, хотя, конечно, могли в любой момент посетить ложе супруга. Но сегодня ей было особенно трудно соединиться. Душа будто замерла в ожидании чего-то такого, что должно изменить

ее жизнь навсегда. И это «что-то» произойдет совсем скоро. Женщина всегда предчувствует наступление перемен. Физическую слабость природа компенсировала глубочайшей интуицией. Мужчины понимают только сердце Земли, они же, женщины, понимают сердце Неба. Его дыхание и шепот, его рычание и гнев. Небо замышляло нечто особенное, завораживающее, поэтому ее сердце сладко заныло. Она почему-то точно не хотела Йота: его сила, казалась теперь грубой, а кожа на руках жесткой. Она не хотела и мускусного запаха супруга, который когда- то возбуждал, не хотела его голоса, скрипучего и визгливого, будто падающее под топором дерево. Что происходит с ней? Боги хранили молчание, сидя у своих огней, или их голос она просто не могла услышать?..»

– Снижаемся, ремень пристегни, – вернул меня в действительность сын.

Я подняла голову, но словно еще не вернулась окончательно в самолет. Стало не по себе… Как в далекой и чужой пещере той самой женщине.

– Не сомневайтесь, сядем, – попытался успокоить муж. – Задницы наши приземлятся на полосу по-любому. Делаем ставки?

Меня это не успокоило:

– От твоего цинизма иногда тошно становится!

– Это юмор, Ксюня.

– Солдатский юмор.

– У меня все солдатское. Как у нормального мужика. Дет-

ство, юность, прошлое, настоящее и будущее. Даже голый, я – в шинели. И готовность всегда номер рраз!

Николай резко схватил сына за шею и привлек к себе:

– А ты готов по зову сердца пойти туда, куда пошлют?

– Нас и так уже все «послали»… – вдруг огрызнулся Костя.

– Это… что такое? Мать, вот твое аполитичное влияние!

Я снова уткнулась в книгу. Надо же, сорвалась на пустом месте, и сына спровоцировала. И откуда это мое раздражение? Ведь я в шаге сейчас от мечты – от моря! Оно придаст сил, вернет ощущение счастья, даже по запредельному курсу доллара. Что делать, мы вынуждены жить в предлагаемых обстоятельствах, если вокруг все рушится, и никто не любит русских. Все, все хотят нас уничтожить. Непонятно только, чем так Россия провинилась перед остальным миром?…

Я предпочла продолжить витать в мире книжных иллюзий, только краем уха еще невольно слышала диалог Коли с сыном:

– Ты рассуждаешь как пятая колонна!

– А что это такое?

– Гм… Пятая колонна – это те, кому ничего не нравится в нашей стране, они не любят ее, но живут в России, при этом, между прочим, поддерживают еще связь с нашими врагами – с Европой, с «америкосами». Эта пятая колонна всегда готова выступить против своего народа и роет, роет яму под страну: демонстрации протеста, пикеты устраивает, ре-

волюцию цветную вынашивает. Ей, чем хуже, тем лучше. Лишь бы деньги дали из-за рубежа.

– У России только враги? А друзья есть?

– Есть.

– Какие?

– Армия и флот, сынок.

– Плохо, когда мало друзей. У нас Витек в классе со всеми перессорился, так его все чмомят. Плохо ему, Витьку…

Я многозначительно посмотрела на мужа. Кто-то из соседнего ряда даже тихо хохотнул. Коля постарался и в этой ситуации быть невозмутимо бодрым:

– Ничего страшного, надо быть закаленным, добро всегда должно быть с кулаками! За правое дело против этой самой пятой колонны и всех внешних врагов.

– А почему колонна – пятая? Сколько их всего? И почему революция называется цветной?

– … не знаю точно. Так сейчас все говорят.

Тут я вновь не выдержала:

– Ему еще рано знать такие вещи! И незачем!

– Почему рано? – не согласился муж. – Надо уже сейчас постигать азы глобального противостояния.

«Мужа не переделать: упертый до предела, – поворчала я про себя, но, все же, добродушно подвела итог в пользу мужской брутальности. – Лишь бы показать себя, территорию свою пометить…».

«В следующее мгновение Йот уже склонился над Мией.

Она вздрогнула от испуга, увидев его лицо прямо над собой. Опытный охотник, он умел подбираться тихо, как будто перемещался не по земле, а летал по воздуху.

– Что с тобой сегодня? Я сорву с тебя одежду…

– Нет. Завтра понадобятся силы: снова будем искать воду. У нас все меньше времени. Спи.

– Мне не спится, Мия…

– Надо спать. Я слышала, что на востоке есть жрецы, которые могут вызвать воду. А на западе знают, как ее искать и добывать. Надо решить с утра, к кому мы обратимся.

– К жрецам.

– Но почему?

– Они быстро прочитают молитву богам. А те, с запада, будут долго что-то объяснять. Мы потеряем время впустую: слишком сложно и скучно они говорят. Если бы западники жили среди нас, я бы вырвал их вялые языки. Что они только могут рассказать своим женщинам?

Мия улыбнулась. Она хорошо помнила, как он умеет показать себя. От его голоса, имитирующего звуки чуть ли не всех птиц, обитающих в долине, от его сильных рук, машущих как крылья, черных зрачков, бешено вращающихся в изображении танцем огромного черного медведя, такого он один смог убить недавно, становилось веселее и появлялись силы жить. Только он знал простые, ясные решения, только он никогда не сомневался, поэтому его любило, ему верило все племя.

– Но, Йот, а если жрецы ошибутся?

– Они не могут ошибиться, они же будут обращаться к богам. Или ты хочешь сказать, что ошибутся боги?»

* * *

Отель нисколько не разочаровал: в принципе, все оказалось на высоте. И номер был с видом хотя и не на море, но на горы, покрытые бурной растительностью, и море было чистым и теплым, песчаный пляж вызвал у сына просто восторг. Ему очень нравилось из мокрого песка возводить «фэнтезийные» замки, наподобие тех, что мрачным непреступным видом внушали ужас в известном романе Толкиена. Коля тоже вел себя благопристойно, активно проводил время с сыном, даже ежедневно формировал его меню. Сына это бесило, но диалог между ним и папой о том, что мужчине на данной стадии развития лучше употреблять в пищу, продолжался еще с домашнего порога и казался, в общем, естественным.

Единственное, удивляло то, что муж совсем не расставался с фотоаппаратом. Он приобрел его недавно за приличную цену (аппарат профессиональный, сложный, способный делать снимки высокого качества), и теперь как раз представился случай его опробовать в деле. Ну не до такой же степени! Коля фотографировал все подряд: каждый цветок, сына едва ли не в покадровом движении, пробегающую ящери-

цу, проползающую гусеницу, медленно бредущего с метлой, словно дремлющего на ходу, работника отеля. Но когда он начал фотографировать в ресторане тарелки с едой, у меня лопнуло терпение:

– Зачем ты фотографируешь еду? Еще подумают, что еда для нас экзотика. Или ее количество…

– Мне хочется зафиксировать каждый момент, создать снимками атмосферу, – возразил муж. – Вот пройдут годы, мы с тобой откроем в старости альбом и будем его пересматривать – появится чувство, будто мы снова в том же месте. Для чего и нужна фотография. Или я не прав? Вот и сосед со мной согласится… Вы же русский, да, по внешности судя? – почему-то обратился он к светловолосому мужчине за соседним столиком.

Тот сидел один, медленно пережевывая овощной салат, и, как мне показалось, уже несколько минут наблюдал за нами, особенно с момента, когда муж и сын спорили относительно того, что Косте следует съесть, а что – нет (что не сделает его готовым «к труду и обороне»).

Мужчина на мгновение замер в раздумье, пожал плечами, глядя в стол:

– Я думаю, фотографировать все подряд – это забрать увиденное с собой, как собственность в чемодан, раз нельзя отрезать кусок земли, забрать цветы, черпануть моря, нельзя забрать эти красивые блюда… Извините, вы спросили – я ответил, – он с сожалеющим видом поднял глаза на мужа.

Их взгляды пересеклись и… Коля смущенно лишь потеребил пальцами фотик, так и не найдя, что ответить. Лишь когда мы пришли в номер, он вдруг спросил, то ли меня, то ли сам себе задал вопрос: «Я так и не понял: он что, вот так вот оскорбил меня, что ли?»

В общем, очень странно прошел у нас первый обед в отеле. К ужину Коля шел уже слегка накрученный, и я немного боялась, что его опять потянет спросить о чем-нибудь странного соотечественника.

Казалось, мои опасения не оправдываются: мы уже почти поели, мужчины нигде не было видно. Но в конце ужина муж начал заставлять Костю выпить кефир. Тот хотел кофе. Возникла нежелательная пауза. И надо же, вот он: знакомый незнакомец явился, как на грех, и… за соседний стол! Коля решил посоветоваться и на этот раз: наверно, хотел спровоцировать на новый спор. (Боже мой, зачем?…)

– А что сейчас думаете, господин хороший, может ли десятилетний сын решать как ему жить?

Мужчина постарался приветливо улыбнуться: у него оказалась красивая улыбка, широкая такая, обнажившая ровные зубы и собравшая маленькие морщинки в углах глаз. Но ему было явно грустно, что-то тяготило его так, как это на отдыхе бывает редко.

– Может, – ответил он как – то отстраненно, думая, наверно, о чем-то другом.

– И с чего бы это? – «закипел» Коля.

– Но ведь речь идет о его жизни.

– Позвольте не согласиться. Это – моя жизнь! Потому что данный пацан – моя кровь. Все просто и ясно.

– Подобие не значит идентичность. Вы же не считаете его своей собственностью?

– Вот как раз и считаю.

Мужчина пристально уставился на Колю, будто впервые его заметил:

– Но ребенок не вещь, не ваша бритва или зубная щетка.

– Он больше, чем… Он – мой отпрыск!

– Что, простите?

Коля покраснел. Это было неприлично заметно. То ли он вдруг осознал этимологию данного слова, вполне невинного в обычно употребляемом контексте, но как-то неуместно прозвучавшего именно сейчас, то ли был возмущен от непонимания радикальных реплик собеседника. Кроме того, в зрительном зале помимо меня сидел, между прочим, и сам «отпрыск»…

– Я имел в виду, что сын – неотъемлемая часть меня.

– Он ничья не часть. С точки зрения природы Вы уже сделали свои дело, успокойтесь. А красть у него жизнь никто не вправе.

– Это я-то краду?

– Я не знаю, крадете ли вы. Но не вправе красть никто.

– То есть я не могу заниматься его воспитанием?!

– Воспитания не существует. Это иллюзия.

На секунду возникла пауза, которую неожиданно прервал Костя:

– Ну, так я… за кофе?

– Ага, – сухо согласился его отец.

А затем с оттенком угрозы добавил:

– С тобой мы еще подискутируем…

В номере Коля дал волю эмоциям:

– Ты смотри, какую философию толкает! Объяснить, что ребенку лучше, уберечь его от ошибок и лишних проблем – значит красть у него его жизнь? Бредятина! Разве может ребенок знать лучше родителей, что такое добро и что такое зло?

– Маленький ребенок точно не знает, что – добро, и что – зло, – согласилась я, – передавать опыт нужно. Но… ты сам-то уверен, что знаешь? Я уже давно ни в чем не уверена.

– Понравился тебе этот «псевдофилософ»? – язвительно заметил муж.

– Так, ничего, улыбка у него добрая, какая-то светлая и почти неземная, – ответила я, сделав вид, что не заметила его иронии. – Таких мужчин в жизни мало встречается… Но ты успокойся (я потрепала его за ухо), ты же знаешь, твоя жена предпочитает земного, без «псевдо», самого что ни на есть настоящего!

* * *

«Утром Йот, как вождь, держал слово перед племенем. Надо было решить, как и где искать воду. Йот и сейчас не сомневался и свою уверенность показывал всем:

– Обратимся к жрецам, братья! Они сильны верой! Их не бросят боги, а, значит, позаботятся и о нас.

В толпе засомневались:

– Говорят, к западу от нас знают, как воду добыть…

– Кто там говорит? Неужто ты, Тавр? Или ты, Зет? Не стыдно ли вам за эти слова? Разве хотите вы, чтобы враги разорили наше гнездо, украли наших женщин, продали в рабство детей? Каждый кусок нашей земли полит кровью три тысячи лун назад. Мы не можем пустить сюда чужаков.

Йот говорил зычно, на скулах его широкого лица ходили желваки. Мия гордилась им особенно в этот момент. Это был ее мужчина, ее и ни чей больше! Казалось, его голос повторила эхом вся их долина, птицы понесли слова его послания далеко-далеко в небо, в другие места. Пусть все знают, как они, племя Долины Красных цветов, сильны и уверены в своей правде. А то, что правда всегда за ними, они не сомневаются, ведь так говорит их вождь, так говорят уважаемые старейшины, которые и сейчас наблюдают в стороне за Йотом с удовлетворением и одобрением. Йот объединил все племя, он лидер, которого они так долго ждали. Его си-

ла в отваге и убежденности, что только бдительность принесет успех, только топоры дадут покой, а, значит, и надежду на будущее развитие.

«Прежде чем сделать шаг вперед, подумай, послушай, вынюхай, посмотри! И тогда природа сама подскажет, когда и как быстро надо сдвинуться с места». Эти великие слова наших старейшин Йот обязал помнить всех и повторять постоянно. При этом он дополнил эту мудрость еще одною своей, как бы отвечая всем несогласным с ним: «Если вы обнаружите, что все еще стоите на месте, не считайте себя опоздавшими. Главное, что вы живы, и остается еще вашей земля под ногами. А те, кто обманули сами себя, решились на необдуманное движение вперед, доверились чужакам, не только не получили ничего – потеряли и то, что имели раньше. Их кости глодают дикие звери, а враги сидят у их очагов и смеются».

Чем больше Мия слушала Йота, тем больше обожала супруга, мысленно почти до зубов впиваясь в его пухлые губы, слегка покусывая их, поглаживая его огромные сильные руки и еще то, что сильнее и желаннее даже их».

– Что за фигню ты опять читаешь? – вдруг спросил муж.

Я отвлеклась с неохотой:

– Приключения и любовь древних времен, представь себе. Покровский. Немного пафосно написано, автор – романтик, и еще, наверно, считает, что события древности следует описывать более образно и символично, как мыслили древние.

– Ерунда, – возразил Коля. – Они мыслили так же, как мы, и хотели того же, только технологии были другими.

– Возможно, но отсутствие технологий разве не накладывало отпечаток на представления? Не имеешь знаний – восполняешь их фантазией. И сейчас, когда мы не имеем возможности понять Вселенную, начинаем фантазировать на всякие там темы. Например, что существуют параллельные Вселенные, другие измерения, инопланетяне уже сейчас взаимодействуют с нами… Не мешай, Коль, дай читану еще, а ты покупайся и развлеки сына: он от наших скучных для него разговоров уже рожицы корчить начинает.

«Йот, Йот, Йот! – скандировало, казалось, все племя, собравшееся на Холме Совета, аплодировал и весь Совет старейшин. Решение было принято. В тот же день отправили на Восток просителей, которых возглавил сам Йот, с дарами для жрецов.

В ночь перед уходом мужа Мия хотела быть с ним ласковой, еще днем она точно ощущала: огонь страсти к нему горит. Но когда он вошел в нее, что-то снова тревожно сжалось в груди, ей показалось, что она как птица перед приближающейся бурей расправляет крылья, и даже ласки Йота не могут отвлечь от этого ожидания новых невероятных событий.

Йот остался недоволен. Утром он молча собрал вещи в дорогу. Мия помогала, боясь поднять на него глаза.

…Прошло семь лун после ухода Йота. Племя жило обычной жизнью, но напряжение ожидания ощущалось в каждом.

Без воды племя обречено. Последний родник иссякал.

Наконец, посланцы вернулись, их встречали всем племенем, но радости на лицах не было. Особенно был мрачен Йот. На прямой вопрос старейшин, что сказал жрец, Йот опустив голову, печально ответил:

– Жрец сложил вместе куски коры орешника на песке, смотрел на небо, а потом сказал, что воды не видит в нашем месте… Вода ушла из-за того, что слишком мало приношений. Так сказал жрец. Он был зол. Он сказал: «Мало приношений – мало воды».

Всю ночь потом Йот не говорил с женой и даже не лег спать: он сидел у входа в пещеру и смотрел на луну, которая то появлялась, то исчезала в рваных клочках ночных туч, плывущих как призраки, почти невидимые в черноте неба.

Наутро Йот собрал со всего племени последние приношения, отправил жрецам. И снова наступили тяжелые дни ожидания. Воду в роднике использовали понемногу, но однажды она полностью иссякла. Остался только запас в специально изготовленном рве.

Пришло известие о том, что в другом племени появился некий странник, который умеет находить воду. К Мие потянулись люди, чтобы рассказать ей об этом и просить Йота пригласить странника в гости. Мия говорила с мужем, но Йот был непреклонен.

– Он оттуда, где не почитают наших богов. У них лживые боги, они лишь учат забирать чужое. Только вера в своих

богов избавит от гибели и рабства.

– Он может помочь нам найти воду.

– Давай подождем, еще есть время, – Йот обнял Мию. – Мы сделали последние подношения жрецу, он скоро снова даст ответ.

Ответ последовал. Жрец развел руками и сказал, что племя проклято, а чтобы снять проклятие, нельзя ждать:

– Вода не придет сама, ее надо взять, – изрек он.

Йот рассказал Мие об этом и на Совете на следующее утро передал старейшинам эти последние и главные слова жреца.

– Война? – осторожно спросили опытные старейшины.

– Война! – ответил решительно Йот, высказав свое тайное намерение, о котором Мие еще не говорил.

– У нас мало мужчин.

– Но без воды не выжить и так. Последняя возможность придаст нам силы, чтобы победить, потому что жажда погонит вперед. И никогда больше я не буду иметь такой поддержки у племени, как сейчас. Моя справедливость сакральна, освящена богами, а вам надо рассказать племени об этом. Мы или умрем, или навсегда будем обласканы богами. Победа придет, потому что взять воду призвал жрец. Так хотят боги.

– А правильно ли ты толкуешь слова жреца?

– Другого толкования быть не может. Когда тебе нужно взять, ты берешь.

Старейшины неуверенно, но кивнули в знак согласия, по-

тому что сила Йота была в уверенности и внутренней убежденности. Йот также добавил еще кое-что:

– Родник, который течет в племени Великой Равнины, имеет начало в нашей земле, он освящен ее мудростью, очищен ею, и лишь выходит на поверхность у них. За нашу землю и ее родники мы воевали, на этой земле погибли наши предки, о наших родниках мне и сказал жрец «идите и возьмите». Не правда ли?

– Откуда ты можешь знать пути воды?

– Мне было видение, так же сказал и жрец. Ближайший родник только в племени Великих Холмов. И подумайте: у нас вода пропадает – у них появляется родник. Это же наша вода! Наша! Мы ее подарили им, но разве хотели дарить?

Старейшины задумались еще глубже, а ведь Йот был прав: они тоже слышали, что после пропажи воды у них еще один, новый родник и вправду забил у соседей. Йот и старейшины договорились собрать все племя, чтобы объявить решение, но не сразу: сначала надо готовить оружие как будто бы для новой большой охоты…

Когда у густых кустов орешника, считавшихся границей, за которой начиналась земля племени Великих Холмов, Мия собирала ягоду вместе с другими женщинами, к ней приблизился чужак – мужчина. Произошло это не сразу: она чувствовала на себе взгляд, но почему-то не хотела звать на помощь, она словно ждала его, такого знакомого ей, ждала таинства встречи, которая не должна была состояться уже ни-

когда. Чужак зажал ей рот, она попыталась сопротивляться, но услышала знакомый голос…

– Мия, это Амири. Это я, тот, кто не умер, – шепнул он.

Услышав это, Мия едва не рухнула без сознания».

* * *

В ресторане отеля странный и не полюбившийся моему супругу незнакомец больше не встречался. А мне все-таки хотелось спросить его, почему он считает воспитание ребенка иллюзией? На такое высказывание никто на моей памяти еще не решался. Уж больно расходилось оно с общепринятым мнением, да просто было абсурдным! Зачем тогда семья, зачем дети, в чем вообще смысл жизни каждого человека, если не в рождении и воспитании детей?!

Но вот через несколько дней, когда я, плавая, решила обогнуть большой скальный выступ в море, обратила внимание, что на нем восседает какой-то человек. Приблизившись, поняла, что это тот самый «вольнодумец».

– Здравствуйте! – крикнула я ему, уворачиваясь от небольшой волны. – Куда это Вы пропали?

– Да не пропал, просто прихожу в другое время.

– Это из-за моего мужа?

– Нет, что Вы… Так получается.

– А…

Тут мне очень захотелось продолжить с ним разговор:

– Можно мне Вас еще спросить?

– Забирайтесь на камень и тогда спрашивайте.

– Зачем на камень? Отсюда разве нельзя поговорить?

– От моих ответов Вы можете захлебнуться.

– То есть?

– Утонуть от негодования.

– Интригующе…

Я взобралась на плоскую скалистую платформу, которая была, однако, скользкой. Без помощи моего собеседника вряд ли бы смогла это сделать, подумала: «Ох, и взревновал бы меня сейчас муж!» Но камень был вне поля его зрения.

– Ксения, – представилась я, опираясь на руку мужчины и невольно изображая, скорее всего, тюленя.

– Каф, – ответил он, не моргнув глазом.

– Как это… Каф? Вы смеетесь?

– Нет, правда, Каф.

– Вы русский?

– Во мне много кровей понамешано.

– Но почему – Каф?

– Мой отец был… астрономом. Каф – это звезда в созвездии Кассиопея.

– А отца как звали?

– Ар… нольд.

– Каф Арнольдович, как Вам живется в России с таким именем и отчеством. Вы, вообще-то, россиянин?

– Не вполне. Я, вообще, человек Мира. Значит, и россиянин тоже. Так в чем главный вопрос, Вы их так много уже задали?…

– Извините, как-то странно все. А мой вопрос, про который я уже чуть не забыла, вот в чем заключается… Боже мой, я не помню! – я начала почему-то хохотать как после бокала крепкого вина.

– Вы хотели продолжить разговор о воспитании, – ответил этот самый Каф Арнольдович.

Тут я уже совсем встала в тупик:

– Ну да, и как Вы догадались?

– Все просто. В ресторане Вас задело мое высказывание о воспитании, и Вы хотите выяснить, почему я считаю, что воспитание – иллюзия.

– Нет, так не пойдет, неубедительно, я могла и просто о чем-то другом спросить… Поясните все же еще.

– Еще я видел Ваши глаза тогда, когда я говорил об этом. Я понял, что вопрос о детях и воспитании для Вас один из главных в жизни.

– Вы психолог?

– Боже упаси.

– А что так? Не верите психологам?

– Такой науки и профессии не существует, иначе надо было бы признать, что есть наука и профессия «человековед». Сегодня неизвестно никому, что есть человек. И разве можно научиться человеческой жизни и научить других? Нель-

зя научить любви. То есть, можно о ней рассказать, но научить – нет. Можно дать оценку другому человеку, но как считать эту оценку научным фактом? Разве является наукой та область знаний, где все основные оценочные категории связаны с субъективным мнением человека? Я высказываю всего лишь мнение. Вот физика, химия, математика – другое дело.

– Ладно, Вы не психолог, тогда – кто?

– А какое это имеет значение? У меня свой бизнес. Так отвечают на подобный вопрос мимолетным собеседникам чаще всего.

– Очень содержательно. А я вот педагог и интересуюсь, почему воспитание – иллюзия?

– Науки и профессии «педагогика» тоже нет.

– ?

– Есть учитель в школе или преподаватель в институте. Они все каждый на своем этапе пытаются передать знания, но не формировать человека. Это миф.

– А вот система Макаренко, она же целое поколение бывших преступников социализировала!

– При этом была востребована лишь там, где работал этот неординарный человек, и только в условиях казарменного социализма. Ушла эпоха, ушла система. Сегодня никого не заставишь выполнять рекомендации Макаренко. Тогда в чем закономерность, в чем научный педагогический факт, извините?

– Ладно, нет педагогики школьной, вузовской, но все-таки есть же, в принципе, воспитание? Родителями ребенка, например. И пусть не так, скажем, как представляет себе мой муж, по-другому, но как без воспитания вообще?

– У каждого человека есть судьба, доказательством этого является талант. Долгое время считалось, что он всегда связан с генами. Но сейчас масса фактов, когда в безголосом роду рождается соловей и наоборот. Никто это объяснить не может. Растерянные родители не знают, что делать со своим ребенком, как правило, «ломают» его, заставляя повторять свою судьбу. Но они не могут знать главного: для чего он пришел в эту жизнь. Как можно изменить того, о ком ничего не знаешь? И не узнаешь никогда. Знает только Космос.

– Что же тогда Вы оставляете родителям и обществу?

– Пример. Всего лишь пример. Но не как повторение твоей родительской судьбы, а как отношение к жизни, к людям, к миру.

– Ну, вот. Это разве не воспитание?

– Нет. Потому что пример вовсе не является в моем понимании демонстрацией, установкой, это просто собственная жизнь родителей, старших родственников, братьев, друзей. Такая, какая есть, и не более. Но и не менее. А у ребенка есть выбор, как к этому отнестись.

Тут я не выдержала и, соскальзывая с камня в воду, полушутливо бросила ему:

– Я знаю, кто Вы… Вы – провокатор. Ваш стиль жизни – провокация. Зачем? Самореклама?

Он не ответил, или я не услышала, поскольку плыла обратно к мужу и ребенку, чтобы продолжить заниматься их воспитанием. Подумала рассказать Коле и об этих высказываниях странного человека под именем Каф, но удержалась, чтобы не возбуждать в муже гнев лишний раз. Хотя… Может быть истинной причиной моего молчания, в данном случае, было совсем другое: я подсознательно надеялась сохранить это общение в тайне. Чтобы… получить право на его продолжение?

* * *

«Он, Амири, действительно, тот, кого уже не должно быть. Она осознавала это точно. Безнадежно расставшись с любимым, знаешь, как разрывается грудь от глубокой внутренней боли, от невозможности что-то изменить, от понимания, что однажды все же придется сдаться: надо начинать жить заново, иначе можно сойти с ума.

Нет, она стала женой Йота не по принуждению, она считала, что любит его, потому что невозможно не любить сильного, красивого, уверенного в себе героя. Она считала так до тех пор, пока не осознала: любовь это нечто другое. Горящий и тоскливый взгляд Амири она встречала всегда, как только пересекалась с ним глазами. Йот и Амири были со-

всем разными. Йот всегда хотел определенности, он не понимал фантазий Амири и его предложений жить по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.